

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-60-70

ОБРАЗЫ ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ САТИРЫ ДОН-АМИНАДО

Сорокина Г. А.

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
123001, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых малоисследованных аспектов многогранного творчества Дон-Аминадо, сатирика, поэта и прозаика, одного из наиболее популярных авторов литературы русского зарубежья. Автор данной статьи опирался на сравнительно-исторический и типологический методы. В работе основное внимание сосредоточено на анализе восточных образов в произведениях Дон-Аминадо. Эти образы рассматриваются в связи с различными философскими, литературными и общественно-политическими идеями того времени, включая идеи евразийства, что определяет актуальность данной работы.

Ключевые слова: Дон-Аминадо, литература русского зарубежья, сатира, Восток, евразийство.

ORIENTAL IMAGES IN THE CONTEXT OF SATIRE BY DON-AMINADO

G. Sorokina

*Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya Kudrinskaya ul., Moscow, 123001, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the research of some unexplored aspects of versatile work of Don-Aminado, the satirist, the poet and the prosaic writer, one of the most popular author of Russian Émigré Literature. The author of the article utilized the comparative-historical and typological methods. The article concentrates on the analyzing of oriental images in Don-Aminado's works. These images are considered in the connection with different philosophical, literary and sociopolitical ideas of that time, including Eurasian ideas, that defines the relevance of the article.

Keywords: Don-Aminado, Russian Émigré Literature, satire, Orient, Eurazianism.

Одним из значимых писателей русского зарубежья был сатирик, фельетонист, поэт, прозаик, мемуарист Дон-Аминадо. Его творчество следует рассматривать в контексте широкой проблематики изучения культуры и литературы русского зарубежья, что, с точки зрения автора данной статьи, предполагает использование сравни-

тельно-исторического и типологического методов.

Аминад Петрович (Аминадав Пейсахович) Шполянский (1888–1957), родился в Елисаветграде Херсонской губернии. Окончил юридический факультет Киевского университета Святого Владимира. В университете изучил несколько языков: древнегреческий, ла-

тинский, французский, немецкий, английский, итальянский. Украинский был для него родным, как и русский. После окончания университета работал в Москве присяжным поверенным, печатался в различных газетах и журналах Москвы, Одессы, в том числе и в «Сатириконе». Во время первой мировой войны он был солдатом, участвовал в боевых действиях, был ранен. Видение этих событий он выразил в патриотическом поэтическом сборнике «Песни войны» (1914) [см.: 2, с. 3–38].

Свои произведения писатель подписывал разными псевдонимами: Кривой Джимми, Аминадо, Гидальго и Дон-Аминадо, который стал его основным. В последние годы он подписывался как Д. Аминадо. Литературные игры, характерные для того времени в писательской и журналистской среде, интерес к испанскому колориту (недаром среди его многочисленных псевдонимов был Гидальго) и небольшая переделка настоящего имени превращала юного поэта Шполянского в ироничного, смешного гранда-певца Дон-Аминадо¹ [см.: 2, с. 5].

В 1920 г. из Одессы на корабле он прибыл в Константинополь, а оттуда перебрался в Париж. В эмиграции Дон-Аминадо занимался литературным трудом и обрёл славу крупнейшего сатирика, наряду с такими уже известными авторами, как А. Аверченко и Н. Тэффи.

Историк и литературовед русского зарубежья Д. П. Святополк-Мирский в 1929 г. писал о нём: «Он стоит выше партийных и классовых перегородок

и объединяет все зарубежье на одной, всем приемлемой платформе всеобщего и равного обывательства»².

Первое поколение русских эмигрантов было воспитано культурой конца XIX–начала XX столетия. Все представления, связанные со сложным и противоречивым понятием «конца века», были присущи их сознанию. На содержание хронима “fin de siècle” огромное влияние оказали первая мировая война [11], революции и гражданская война в России, что в огромной степени определило мироощущение представителей русского зарубежья. Всем своим творчеством Дон-Аминадо выражал это мироощущение и откликался на актуальные события и явления литературной и общественно-политической жизни.

Талантливый поэт и публицист Дон-Аминадо многие произведения писал с позиции простого, так называемого «маленького человека», ведь именно такому человеку присущ, прежде всего, здравый смысл в противовес ложной пафосности, выпренности, утопизму и фальшивому глубокомыслию. В своём творчестве он запечатлел разные ситуации, события и картины жизни русской эмиграции, и порой бывал сатирически беспощаден в своих оценках. Об этом, обращаясь к Дон-Аминадо, писала Марина Цветаева: «Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию. ... Вся Ваша поэзия – самосуд эмиграции над самой собой» [6, с. 212–213].

Строгий и требовательный критик И. Бунин также дал высокую оценку

¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей в 4 тт. Т. IV. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 532.

² Святополк-Мирский Д. П. Заметки об эмигрантской литературе // Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб.: Алетей, 2002. С. 148–150.

его творчеству, отметив, что «Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах), и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту, – художественному, а не только газетному, злободневному»¹.

Материалом для сатирических произведений Дон-Аминадо была не только жизнь русской эмиграции, но и Советской России. Об этом он писал: «Я чтением советских газет занимаюсь» («Оскомина», 1930).

В 1920-х гг. излюбленным жанром писателя стал стихотворный фельетон, где Дон-Аминадо, как отмечает современный исследователь его творчества литературовед Г. А. Митин, был достаточно добр и снисходителен по отношению к своим парижско-русским «обывателям» [5, с. 176], но по отношению к политическим противникам – предельно беспощаден и резок. Таким противником для него является, прежде всего, советская власть и правящая советская элита. В творчестве Дон-Аминадо неоднократно возникает сатирический образ Ленина. Создавая этот образ, поэт порой прибегает к подчёркнуто грубой, сниженной лексике. Так в стихотворении «Припадочные»² (1926) он пишет:

*Не ваш ли чудотворствовавший
Будда,*

*Кривой, эпилептический Тарзан
Творил почти неслыханное чудо
От имени рабочих и крестьян?
Не он ли над толпою разверзлся,*

¹ Бунин И. А. Дон-Аминадо // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1988. С. 467–468.

² Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 198.

*Как древле огнедышащая хлябь,
И добрым своим смехом заливался!
Товарищи! Награбленное грабь...*

Соположение образа Будды с образом Тарзана превращает Будду в чужое экзотическое божество, в идола, которому весьма карикатурно уподоблен Ленин. В этом политическом фельетоне Дон-Аминадо использует своеобразные «слова-заклинания», «слова-метки», которые по определению М. Эпштейна, «совершают магический акт возвышения или снижения, приказывают ему [явлению. – Г. С.] быть» в тексте произведения [12, с. 258]. Такими «словами-заклинаниям» являются имя Будды и имя Ленина. Здесь происходит снижение как образа Будды, так и личности советского вождя, но мишенью здесь является именно Ленин. Автор использует сравнение Ленина с Буддой, так как Будда для него идол, образ и символ далёкой, чужой религии и культуры. Именно в идола, по мысли Дон-Аминадо, превратился советский вождь после смерти. Читая советскую прессу, поэт-сатирик наблюдал этот процесс «кумиризации». В то же время следует отметить, что обращение к образу Будды в этом стихотворении достаточно случайно: автор хотел создать представление о некоем величественном, неподвижном, мощном божестве, каковым и был Будда в глазах западного общества.

Его поэзия формирует образ героя, который, иронизируя над устоявшимися клише, обывательскими представлениями, даёт оценку самым различным литературным и общественным явлениям. Об одном из аспектов этой проблемы пишет литературовед Н. А. Литвиненко [см.: 3].

В пестроте и многообразии идей, тем и образов, к которым обращался

Дон-Аминадо, важное место занимал так называемый «восточный пласт». Идеи Востока были достаточно значимы в жизни русского зарубежья. Эмигрантское сообщество было вовлечено в многочисленные споры, дебаты и дискуссии, в том числе о прошлом, настоящем и будущем России, эмиграции, её культуре и литературе.

Философские и политические проблемы не заслоняли бытовых. «Эмигрантский быт был темой неисчерпаемой», – писал Дон-Аминадо¹. По поводу парижской жизни он иронизировал: «Не всё было весело в русском городке, через который протекала Сена. Но смешного, чудовищно-нелепого было немало»². Одним из таких «чудовищно нелепых» явлений, которое вызвало к жизни его стихотворный фельетон «В дни Мессии» (1926), было, в частности, примитивизированное, обывательски-экзальтированное восприятие идей Востока эмигрантской общественностью. Персонажами фельетона «В дни Мессии» он сделал своих современников, ставших поистине культовыми фигурами на Западе, – Анни Безант и Джидду Кришнамурти – и причудливо соединил эти две личности, сделав их символом и воплощением восточных учений. В качестве эпиграфа к фельетону Дон-Аминадо сочинил некий текст, который носит пародийный характер и сразу же определяет как позицию автора, так и тональ-

ность его сатиры: «Анни Безант заявляет, что приход Мессии в лице индуса Кришнамурти повлечёт за собой новое распределение материков, морей и племён. Из газет»³. Этот эпиграф следует, по-видимому, воспринимать как квинтэссенцию самых разнообразных публикаций, включая и такой источник, как бульварная пресса.

В наше время, почти через сто лет после публикации фельетона, когда утратилась актуальность событий и явлений, ставших его основой, для правильного истолкования его смысла необходимо совершить краткий исторический экскурс, поскольку Дон-Аминадо писал о ныне полузабытых кумирах того времени Анни Безант и Джидду Кришнамурти, оказавших заметное влияние на общественную и духовную жизнь Запада.

Анни Безант (1847–1933) – последовательница Е. П. Блаватской, которая была основателем теософского учения и через Теософское общество проводником идей восточных религиозно-философских учений на Западе. Как ученица Блаватской, она продолжила разработку теософского учения, в рамках которого были объединены некоторые положения буддизма и других восточных учений с элементами оккультизма и христианства.

После смерти Блаватской Безант стала главой Теософского общества. Она автор многочисленных работ по теософии, эзотерике и оккультизму. В теософии большое место занимает идея так называемой «божественной магии», с помощью которой, как ут-

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 672.

² Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 672.

³ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 183.

верждалось, можно достичь власти над миром. Магия предполагает использование особых методов манипуляционной, утилитарно-прикладной направленности и методов сакральных практик с целью воздействия на предметы и явления объективного мира [см.: 1, с. 127; 7, с. 404]. Именно это и стало объектом сатиры Дон-Аминадо.

Джидду Кришнамурти (1895–1986) – представитель одного из новых религиозных движений, являющихся формой индуизма, став учеником А. Безант, он продолжил, таким образом, теософскую традицию. Безант объявила его «новым спасителем» человечества.

Текст фельетона – цепь остроумных нелепостей и парадоксов, суть которых состоит в том, чтобы продемонстрировать так называемую «духовную силу и мощь» восточных магов и учителей:

*«Разве ты ещё не слышишь
Приближение циклона,
Нарушение всех законов
Галилея и Ньютона?!
В эскимосской жалкой юрте
Видишь пламенные розы?!»
Верю, верю, Кришнамурти,
Я во все метаморфозы!..
<...>*

*Если ж страсть к перемещеньям
Столь сильна в душе индусской,
То займися на досуге...
Эмиграцию русской!
Ибо, если ты Мессия,
Ты же должен сделать чудо:
Им – Париж, а нам – Россия,
Нас – туда, а их – оттуда!..¹*

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 184.

Кришнамурти как персонаж фельетона объявляется Мессией, призванным изменить мир, «переместить» народы и государства во имя великого совершенства. При этом важно отметить, что вся ирония Дон-Аминадо направлена отнюдь не на Кришнамурти и Безант, он не занимается так называемым «разоблачением» их идей и учений. Вся сила и энергия автора устремлена против невежественного восприятия восточных религиозно-философских учений и наивной веры в их магические возможности: «Ибо, если ты Мессия, ты же должен сделать чудо!» По мысли Дон-Аминадо, все чудеса такого рода замешаны на шарлатанстве и фокусах. Он предельно утрирует и доводит до абсурда то, что входит в массовые представления, связанные с так называемой «магией Востока».

Восточные религиозно-философские учения (и это было веянием времени) оказали большое влияние на литературу и культуру русского зарубежья. Однако среди русских эмигрантов существовали качественно различные уровни и аспекты этого восприятия: от авторского философского осмысления и творческой художественной переработки идей, образов и символов Востока до невежественного, упрощённого, сниженного до уровня сенсационности, когда «восточное» становилось синонимом всего чудотворного и магического.

Будучи крещёным католиком, Дон-Аминадо, был, по сути дела, вольнодумцем по отношению к религии, представителем секуляризованного общества. Он легко и иронично играет образами и символами разных религий:

*Но, сын растерзанной России,
Не верю я, Аллах, прости!*

*Ни Магомету, ни Мессии
Ни Клод Фареру, ни Лоти*
(Константинополь, 1920)¹

Эти строки нельзя воспринимать в отрыве от культурных и литературных реалий того времени. Автор использует приём снижения великих образов, в результате чего они как бы уравниваются в статусе с французскими писателями – современниками, которые во многом воспринимались обществом в роли неких пророков, открывших читателям культуру стран Дальнего Востока.

Клод Фарер, правильно – Фаррер, (1876–1957), как офицер военно-морского флота, посетил ряд стран Дальнего Востока. Высоко оценивая творчество Пьера Лоти (настоящее имя Жюльен Вио, 1850–1923), который также был морским офицером, Фаррер подхватил тему Востока, разработанную Лоти. Восточная экзотика их произведений позволила Дон-Аминадо создать единый смысловой ряд, связанный с Востоком и понятный всем читателям. Первой книгой Фаррера стал сборник новелл «Дым опиума» (1904). В 1905 г. он получил Гонкуровскую премию за роман «Цивилизованные» о жизни во французском Индокитае.

Пьер Лоти был одним из создателей той особой «экзотической» литературы, которая на новом историческом этапе привнесла в европейскую культуру представление о китайской поэзии, о китайских и японских реалиях, образе жизни различных слоёв населения Китая и Японии. Его произведения, среди которых наиболее популярны «Госпожа Хризантема»,

«Брак Лоти», «Последние дни Пекина», «Индия без англичан», дали мощный импульс развитию ориентализма в европейской литературе и культуре XIX столетия.

Благодаря творчеству этих талантливых писателей во французской литературе XIX века сформировался особый «восточный текст», ставший достоянием всего западного общества, в том числе и русского.

Иной аспект в интерпретации восточных идей отразился в евразийском движении. Это новое движение конституировалось в эмиграции в 1921 г., когда в Софии вышел первый евразийский сборник «Исход к Востоку». Его представители (Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский, Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский, П. Д. Святополк-Мирский, буддист Э. Хара-Даван) следовали идее всеединства, в которую был включён и буддийский компонент.

По словам П. Н. Савицкого: «Евразийцы – это представители нового начала в мышлении и жизни. ... Имя их – “географического” происхождения. Дело в том, что в основном массиве земля Старого Света, где прежняя география различала два материка: “Европу” и “Азию”, – они стали различать третий – срединный материк – “Евразию”, – и от последнего обозначения получили своё имя» [8, с. 464].

Первым шагом на пути формирования евразийского движения стала публикация концептуальной работы философа-евразийца Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920). Квинтэссенция этой фундаментальной для всего евразийского движения работы выражена в письмах самого

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 60.

Трубецкого, написанных в то же время. В одном из них (к П. Н. Савицкому) он подчёркивал: «Евразийство не есть религиозное учение и не должно стремиться удовлетворять каких-то богоискателей и богоискательниц, ... евразийство должно быть применимо для всех народов Евразии, какую бы религию ни исповедовали. ... На этом могут объединиться и христиане, и мусульмане, и юдаисты, и буддисты, и шаманисты» [цит. по: 4, с. 166].

В письме к Р. О. Якобсону философ отмечал, что самое существенное в его книге «Европа и человечество» – это «понять, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, – вот все, что требует моя книга от читателя» [цит. по: 4, с. 76].

Достаточно быстро евразийские идеи захватили значительный круг русских эмигрантов, в разных городах Европы возникали евразийские кружки. В 1920-е гг. евразийство в русском зарубежье имело огромный успех. За десять лет вышло шесть фундаментальных сборников статей, были разработаны разнообразные программные документы в политической, идеологической, философской, религиозной, культурной областях, поскольку евразийцы претендовали в будущем на роль ведущей партии России. Россия при этом воспринималась ими как православно-исламо-буддийская страна.

Современные исследователи подчёркивают, что о евразийстве можно говорить как «о творческом синтезе духовных традиций культурно-исторических миров, соприкасающихся с Евразией благодаря его срединному, центральному положению» [4, с. 249]. При этом учёные отмечают существеннейшую черту этого мировоззрения:

«Не образуя стройной философской системы, евразийство, тем не менее объединило “особым мироощущением” единства Евразийского мира и его особенности» [4, с. 248] представителей самых разных политических направлений русского зарубежья.

Оценка значения евразийских идей в общественной и литературной жизни эмиграции нашла отражение в фундаментальной работе историка, литературоведа и литературного критика Г. П. Струве, который писал: «О прямом влиянии евразийства на зарубежную литературу говорить, может быть, и не приходится. Но нельзя отрицать ни его притягательности для многих, ни той роли, которую оно сыграло в формировании некоторых настроений в молодом поколении Зарубежья» [9, с. 47]. Притягательной стороной евразийства являлись, в том числе, восточные религиозно-философские идеи (среди них и буддийские), тем более что, как отмечает Струве, религиозная область провозглашалась «сферой абсолютной свободы» [9, с. 47].

Дон-Аминадо иронично называет евразийцев «парижскими скифами», отсылая читателя к блоковским строкам, которые, по словам поэта-эмигранта, обрамляют евразийскую прозу: «Летит, летит степная кобылица / И мнёт ковыль...»

Для него неприемлема позиция евразийцев в том, что «возврата к прошлому нет. И то, что совершено революцией – неизгладимо и неустранимо»¹. И совершенно утопична для него идея евразийцев, что «Россия наше-

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 676.

го времени вершит судьбы Европы и Азии. ... Евразия – узел изначально новой мировой культуры»¹. Он посвящает «парижским скифам» весьма «непочтительные стихи»:

*И скачет в мыле, пене и в безумьи
Князь Трубецкой.*

*И вот уже, развенчан, но державен,
К своей звезде*

*Стремится Лев Платонович Карсавин
Весь в борде...²*

Д. П. Святополк-Мирского Дон-Аминадо с присущей ему иронией называет «евразийским князем», но именно тот в статье «Заметки об эмигрантской литературе» (журнал «Евразия», 1929), как уже упоминалось, дал высокую оценку творчеству Дон-Аминадо, отметив, что он – «самый главный из прославившихся уже в эмиграции писателей, самый любимый, истинный властитель дум зарубежной Руси»³.

Дон-Аминадо зорко и внимательно наблюдал за жизнью русского зарубежья и откликался своими меткими строчками на события, явления и процессы, происходившие в эмигрантском сообществе. Он всегда и во всём был против иллюзорного величия. Об этом и рассказ «№ 4.711» (1926), в котором были затронуты многие стороны жизни эмиграции, в том числе и движение

евразийцев. «Как только весть об извлечении праха Тутанхамона докатилась до эмиграции, решено было немедленно устроить диспут под общим способным примирить наиболее противоположные течения лозунгом»⁴, где должны были выступить представители партий, начиная от пассивных анархистов до подписчиков «Марины Цветаевой плюс», среди них и «евразийцы среднего толка, евразийцы ниже среднего толка, евразийцы просто так (так наз. бестолковые)»⁵. Автор сатирически изображает многочисленные идейные споры и дискуссии в русской эмиграции, но интонация горестной иронии пронизывает весь рассказ.

Восточная тема прозвучала и в следующих строках Дон-Аминадо:

*Под кокосом на веранде
Восседали махатма Ганди
И смотрел на океан.
Взор у Ганди был арийский,
Океан же был индийский,
Омывавший десять стран
[цит. по: 13, с. 50].*

В этом подчёркнуто эклектическом и иронически сниженном тексте важны ключевые слова, отсылающие читателя к восточной проблематике: махатма Ганди, арийский, индийский. Дон-Аминадо отразил здесь, как огромный интерес западного общества к религиозно-философским учениям, возникшим в Древней Индии, так и интерес к общественно-политической деятельности махатмы Ганди. Затронул он и идею

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 676.

² Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 677.

³ Святополк-Мирский Д. П. Заметки об эмигрантской литературе // Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб.: Алетей, 2002. С. 149–150.

⁴ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 349.

⁵ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 350.

евразийского движения: его представители обозначили огромный третий срединный материк, «омываемый индийским океаном», на котором сосуществуют различные культуры, включая древний арийский культурный пласт. Его обычный приём, ведущий к снижению пафосности любых заявлений и программ представителей русского зарубежья, проявился и в соединении программных евразийских идей с бытовым контекстом.

Можно согласиться с литературоведом В. И. Коровиным, который отметил, что «Дон-Аминадо стал непримиримым критиком романтического позёрства, интеллигентских чаяний и безудержного красноречия» [2, с. 25]. А именно это Дон-Аминадо усматривал в идеях и деятельности евразийцев. Он выразил своё негативное отношение к евразийству, полагая, что этому движению «история ... вынесет свой беспристрастный приговор», вложив в эти слова глубокий сарказм¹.

Для него евразийское движение представлялось, судя по всему, совершенно утопическим, откуда и происходила его ирония, комизм, сатира, сарказм как особая авторская форма репрезентации этих идей. Однако история определила иной вектор развития, наполнив идеи евразийства новыми смыслами.

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 677.

Исторический опыт показал, что философско-политические идеи евразийства обладают реальной исторической перспективой. В настоящее время они получили дальнейшее развитие и воплощаются в политической теории и практике современной России и ряда других государств. Такие термины и понятия, как «евразийство», «евразийское пространство», «евразийский форум» и другие, стали неотъемлемой частью современной общественной мысли.

В настоящее время «становится всё более очевидным необходимость расширения понятийного поля проблемы евразийства. Евразийскую идею теперь можно воспринимать и как некий проект развития России в условиях глобализации» [10, с. 66].

Дон-Аминадо – трезвый реалист, стремившийся осмыслить многогранное бытие русской эмиграции, частью которого были идеи Востока, в том числе и буддизма. Он воспринимал евразийство критически, в контексте сложно переплетающихся, противоречиво взаимодействующих, пребывающих в становлении идей своего времени, поэтому для нас важен именно исторический подход к восприятию евразийских идей в творчестве писателя.

Изучение сатирических аспектов интерпретации восточных образов и идей в творчестве Дон-Аминадо 1920–1930-х гг. углубляет современные научные представления о литературных и общественных процессах развития русского зарубежья во Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитика мистицизма / под ред. Е. Г. Балагушкина. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. 432 с.
2. Коровин В. И. «Наиболее даровитый поэт» эмиграции // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М.: Терра, 1994. С. 3–38.

3. Литвиненко Н. А. Положительный герой в литературе – исчезнувшие и новые горизонты // Вестник университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 27–34.
4. Маслин М.А., Лупова А. А. Эволюция евразийской идеи // Евразийство: Исследования и публикации. М.: Парад, 2014. С. 42–249.
5. Митин Г. А. Дым без Отечества. Политическая сатира Дон-Аминадо 20-х гг. // Литературное зарубежье: проблемы национальной идентичности. Вып. 1. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 164–196.
6. Письма Марины Цветаевой // Новый мир. 1969. № 4. С. 185–214.
7. Религиоведение / под ред. И. Н. Яблокова. М.: Гардарики, 2002. 536 с.
8. Савицкий П. Н. Евразийство // Евразийство: Исследования и публикации. М.: Парад, 2014. С. 464–480.
9. Струве Г. П. Русская литература в изгнании; изд. 3-е. Париж–М.: Русский путь. 1996. 448 с.
10. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2009. 236 с.
11. Шарли К. Конец века // Новое литературное обозрение (НЛО). 2018. № 1 (149). С. 9–23.
12. Эпштейн М. Н. Идеология и магия слова. Слово-фикция у А. Чехова, Д. Хармса и В. Сорокина // Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 255–268.
13. Pereleĭn V. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai 1930–1950. Amsterdam: Rodopi, 1987. 159 p.

REFERENCES

1. Balagushkin E. G., ed. *Analitika mistitsizma* [Analytics of mysticism]. Moscow, Kanon+ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2011. 432 p.
2. Korovin V. I. [“The most gifted poet” of emigration]. In: Don-Aminado. *Nasha malen'kaya zhizn'* [Our little life]. Moscow, Terra Publ., 1994. pp. 3–38.
3. Litvinenko N. A. [The positive hero in the literature – the past and new horizons]. In: *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 2016, no. 1, pp. 27–34.
4. Maslin M. A., Lupova A. A. [Evolution of the Eurasian idea]. In: *Evraziistvo: Issledovaniya i publikatsii* [Eurasianism: Research and publications]. Moscow, Parad Publ., 2014. pp. 42–249.
5. Mitin G. A. [Smoke without homeland. Political satire of Don Aminado of the 20s]. In: *Literaturnoe zarubezh'e: problemy natsional'noi identichnosti. Vip. 1* [Literary abroad: problems of national identity. Issue 1]. Moscow, IWL RAS, Nasledie Publ., 2000, pp. 164–196.
6. [Letters of Marina Tsvetaeva]. In: *Novyi mir* [New world], 1969, no. 4, pp. 185–214.
7. Yablokov I. N., ed. *Religiovedenie* [Religious studies]. Moscow, Gardariki Publ., 2002. 536 p.
8. Savitskii P. N. [Eurasianism]. In: *Evraziistvo: Issledovaniya i publikatsii* [Eurasianism: Research and publications]. Moscow, Parad Publ., 2014. pp. 464–480.
9. Struve G. P. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris, Moscow, Russkii put' Publ., 1996. 448 p.
10. Ulanov M. S. *Buddizm v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii* [Buddhism in the socio-cultural space of Russia]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2009. 236 p.
11. Charle Chr. [The end of the century]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie (NLO)* [New Literary Review], 2018, no. 1 (149), pp. 9–23.

12. Epshtein M. N. [Ideology and the magic of words. Word-fiction by A. Chekhov, D. Harms and V. Sorokin]. In: *Ironiya ideala. Paradoksy russkoi literatury* [The irony ideal. Paradoxes of the Russian literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. pp. 255–268.
13. Pereleyn V. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai 1930–1950. Amsterdam: Rodopi, 1987. 159 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Галина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: inyazmgua@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina A. Sorokina – PhD in Philosophical Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages, Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: inyazmgua@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сорокина Г. А. Образы востока в контексте сатиры Дон-Аминадо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 60–70.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-60-70

FOR CITATION

Sorokina G. A. Oriental images in the context of satire by Don-Aminado. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 60–70.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-60-70